

精神重生的 话语体系

张变革 著

Система дискурса
духовного возрождения
в романах Ф.М. Достоевского

文学论丛

北京大学出版社
PEKING UNIVERSITY PRESS

精神重生的 话语体系

张变革 著

Система дискурса
духовного возрождения
в романах Ф.М. Достоевского

文
学
论
丛

北京大学出版社
PEKING UNIVERSITY PRESS

图书在版编目(CIP)数据

精神重生的话语体系/张变革著.—北京:北京大学出版社, 2013.3
(文学论丛)

ISBN 978-7-301-22258-4

I. ①精… II. ①张… III. ①陀思妥耶夫斯基, F.M. (1821~1881) —
文学创作研究 IV. ①I512.064

中国版本图书馆 CIP 数据核字 (2013) 第 040585 号

书 名: 精神重生的话语体系

著作责任者: 张变革 著

责任编辑: 李 哲

标准书号: ISBN 978-7-301-22258-4/I·2610

出版发行: 北京大学出版社

地 址: 北京市海淀区成府路 205 号 100871

网 址: <http://www.pup.cn> 新浪官方微博: @北京大学出版社

电 话: 邮购部 62752015 发行部 62750672

编辑部 62759634 出版部 62754962

电子邮箱: zbing@pup.pku.edu.cn

印 刷 者: 北京彩云龙印刷有限公司

经 销 者: 新华书店

880 毫米×1230 毫米 A5 6.875 印张 150 千字

2013 年 3 月第 1 版 2013 年 3 月第 1 次印刷

定 价: 29.00 元

未经许可, 不得以任何方式复制或抄袭本书之部分或全部内容。

版权所有, 侵权必究

举报电话: 010-62752024

电子邮箱: fd@pup.pku.edu.cn

序

北京外国语大学 张建华

近十余年,我国的俄罗斯文学研究在“陀学”(陀思妥耶夫斯基及其创作研究)领域成果突出,不仅专著数量多,而且学术质量也都不错,形成了新时期我国俄罗斯文学研究盛期的一个重要脉流。这首先源于研究对象陀思妥耶夫斯基——这位天才艺术家与伟大思想家的难以穷尽的思想及艺术魅力,当然还在于世纪之交我国中青年学者学术视野的广阔拓展和审思、审智、审美能力的高度提升。

在对陀思妥耶夫斯基研究不断深化的这一学术语境中,我们欣喜地看到,又有一部新的“陀学”研究论著《精神重生的话语体系》问世了。它是在张变革博士积莫斯科师范大学四年苦心钻研之功写好的博士论文基础上加工而成的一部力作。该书的出版标志着我国的“陀学”研究经过近十余年的拓展、深化,达到了一个新的高度和更为理性的学术自觉。

以人的精神世界为主要书写对象的陀思妥耶夫斯基从来就是国内外俄罗斯文学研究的重要对象。而宗教信仰命题或人的精神重生命题始终居于作家创作思想的核心和叙述话语的逻辑起点,成为当代国际“陀学”研究的首要命题,亦是我国陀思妥耶夫斯基研究者关注的重点。陀思妥耶夫斯基的小说是关于弱者的哲学,关于人的精神的异见。他常常写精神病患者,写杀人犯、疯子,他们都是世俗生活中的失败者,但在文学中,却具有越出其生理异化表相的某种精神标识的意义。他们都成为陀思妥耶夫斯基对人的生命精神本质一次次崭新发现的文学由头。作家由此对人、人与世界的关系做出了与此前作家完全不同的诠释。他要书写的,不仅是普遍的人性弱点,还有具有普世性意义的人的精神重生之路。论著《精神重生的话语体系》以作家具有总结性意义的晚期长篇小说《卡拉马佐夫兄弟》为研究对象,紧紧围绕着“人的精神重生”这一核心话题,为我们建构了成为他宗教哲学思想核心的话语体系,为理解陀思妥耶夫斯基有关人的“斯芬克斯之谜”和人的灵魂拯救提供了种种颇富启迪的新见。

新见之一——对“最高意义的现实主义”的阐释。在作者看来,陀氏的“最高意义的现实主义”不仅仅表现在他的创作是人的精神现实、意识现实的映现,更体现在作家力图通过他的创作“在人身上发现人”并确立人的最高的精神境界所在。换句话说,陀思妥耶夫斯基的现实主义精神不仅仅在于具体的再现,更在于哲学的表现,表现人的本质、人的生命意义所在、人的精神境界。其具体内含是,首先,人是按照上帝的形象和样式打造的,然而由于人的原罪以及在世俗现实中的堕落而失去了人应有的这种美好形象。其次,人的内心世界的复杂性及其堕落决

定了人的精神重生是艰难的，充满了痛苦、曲折与迷误。再次，人的内心世界乃魔鬼与上帝角逐的战场，人的真善美的精神境界的重新获得需要通过艰苦卓绝的内心斗争，需要对上帝的忠贞无二的信仰，需要基督爱的精神的照拂，需要对灵魂永恒的孜孜不休的追求。显然，陀思妥耶夫斯基的“最高意义的现实主义”已经远远超出了创作方法的概念，成为一种充满哲思的深广的文学精神，一种探索精神真理的“律令”，一种对崇高精神价值的认同与维护。

新见之二——“爱”的主题在作家晚期的创作中占有重要地位。作者没有停留在对这一主题普泛的阐释、分析上，而是对带有乌托邦色彩的“幻想之爱”与立足于现实生活的“实践之爱”（*деятельная любовь*，身体力行之爱）做出了富有哲学意义的辨析。她认为，陀氏始终批判远离真实的虚假理论和思想，倡导走向真实的生活。在作家看来，“抽象的思想、不切实际的生活和社会构想在某些人那里常常导致对他人的残酷和对人、对事的偏见”。人道主义所标示的“幻想的爱”所指向往的从来都不是具体的人，而是遥远的人、泛泛的“人类”和“人民”、抽象的“概括的人”。从“幻想之爱”出发的急功近利地改造社会的愿望必然走向极端。建立乌托邦式的人间天国的前提是颠覆现有的社会秩序，以暴力重构世界和谐。而“实践的爱”则要求对“己”的无情剥夺并由此达到人性的更加完美与和谐。作者借用索洛维约夫的话指出，陀思妥耶夫斯基“有意识地拒绝一切不经过人的内心变化而从高处重生的外在理想”。正因为所有的人都有原罪，所以人的精神重生都要经历内心的争战：经由盲目、迷失和苦难而达到心灵的复苏。没有罪与恶的经验，精神的复苏和上帝恩典的获得是不可能的。而没有对上帝和永恒的信仰，真正的爱也是不可能的。故而，陀氏对欧洲人文主义的倡导者伏尔泰始终持否定态度，对肯定并神化人的自然本性的卢梭也充满了讥讽。陀思妥耶夫斯基在对这两种不同的“爱”的辨析中实现了其世界观由早年的人道主义信念向后期基督教信仰的根本转变。

新见之三——作者认为，孩童形象的引入在陀思妥耶夫斯基创作中具有重要作用。与文学传统所表现的纯洁、美好的孩童形象不同，陀氏在其创作中揭示了“孩童性”的正负能量：既是纯洁美好的象征，又是“幼稚”、“无知”和“愚顽”、“盲目”的标志。作家在孩童身上看到成人世界的复杂，也在成人身上看到了孩童的纯真，从而极大地延展了孩童形象，成为因愚顽而迷失的人类的隐喻。作家剥开孩童天真的表象，展露了其身上尚处于蒙昧状态的冷酷麻木及其毁灭性能量。源自无知、被无辜所裹挟的孩童世界充满着人性复杂的律动。他们无力抗拒成人世界的罪恶，成为堕落世界的受害者。他们的无知将人带入奴役与专制，诱发仇恨和审判，也在无意中扩散着世界的罪恶，他们也是有责于世界的堕落的。与此同

时,作家信仰人是按上帝的形象被打造的,其圣洁完美尤其体现在未染世俗邪恶的孩童身上,这种神性印记使精神上的孩童成为人类获救的力量。论者认为,选取孩童这一视角,更深地触及了人性的本质,突显了陀氏笔下原罪与救赎的主题:走出困境的出路在于肯定孩童性的正能量:单纯和信仰,在爱与宽恕中实现世界的合一。“孩童性”为最终解开陀氏创作之谜提供了一条新的路径。

新见之四——作者认为,陀氏创作中的景物描写十分有限,但都与基督教主题思想紧密勾连。论者具体并深化了纳博科夫对陀思妥耶夫斯基创作的诗学研究,认为,作家笔下的景致是感受性景致、道德性景致、思想性景致。这种精神化的景致描写的特点是:概括性、抽象性、印象性。比如,太阳、鸟儿、花草、树木等这些反复出现的形象是上帝造物的整体性象征。又比如,彼得堡肮脏的街道、阴霾的天空和潮湿阴冷的雨雪这些阴暗、压抑的景物旨在表现充满苦难的主人公内心的忧郁或无助。景物描写并不渲染故事发生的背景,也不以审美愉悦为追求,它们或揭示人的精神危机,或表达人的心灵忏悔,或呈现人的精神重生,或表达人的宗教情怀,始终渗透着人的内心感动,唤起人对上帝的虔敬。这些精神化景致应合了小说中的一系列宗教主题:失去信仰的人在现实世界受到的困惑甚至诱惑、人的人格分裂、人内心深处上帝与魔鬼的争战、对造物主的感恩和赞叹等等。作者的结论是,“揭示精神化景物描写的奥秘使我们进一步理解陀氏创作的中心思想。人需要经过精神的复苏才能感悟到造物的美,美是人精神重生过程中必然的部分,它使人恢复心灵的真正现实”。

一部学术论著品位的高下在于它是否有新的思想发现和审美发现,给读者以耳目一新的启迪。《精神重生的话语体系》的作者以其活跃的理性思维寻绎出贯穿陀思妥耶夫斯基创作中宗教思想红线的具体内蕴与表达方式,真切、深刻,令人信服。正如作者博士论文答辩委员会曾经评价的那样:“论文的结构与内容表明,研究者深刻地把握住了作者的思维逻辑,她敏锐地洞察了陀思妥耶夫斯基思想的延伸与深化,那绝非仅仅局限于某个狭隘教条的创作思路。”论著让我们看到了长期致力于陀思妥耶夫斯基研究的张变革博士鲜明的学术个性。这种个性表现在这样三个方面。

其一,坚硬的理性品格。这是《精神重生的话语体系》与其他同类著作相比一个显著的特点。作者立足于作家创作文本的细读,又超越了对具体作品显性意义的解析阐释,依靠强有力的理性力量,透过文本,直抵作者的情感深处和思想真相。例如作者对“最高意义的现实主义”内涵宗教基原的把握,对作家的基督教人类学思想中关于人的本质的认知。又如,论著对陀思妥耶夫斯基哲学思想转型的论述,其从美学浪漫主义、人道主义转变为基督教救世思想进程

的分析，都体现了作者极强的思想穿透力和理论概括力。

其二，开放的学术视野。《精神重生的话语体系》的作者没有局限于对作家宗教思想作泛泛的描述和定位，而是力图将作家置于一个更为宏大的俄国与欧洲的历史文化背景上，多维度、多层面地探析作家基督教思想的精神实质及其与欧洲人文主义思想的本质区别。论著在阐释《卡拉马佐夫兄弟》宗教思想意蕴的同时，还对“白银时代”宗教思想家弗洛罗夫斯基、弗兰克、别尔嘉耶夫等人对陀氏创作中关于自由与妄为二律背反的思想论断作了深刻的分析，还就陀氏对当时流行的人文主义思想局限性所进行的宗教批判做出了中肯的评价。凡此种种无不建立在一种宏阔的学术视野与自觉的历史意识上。

其三，深深的情感认同和细腻的审美感觉。学术研究的情感注入往往不被学界认同，然而事实是，当一种真切的思想认知化作研究者的情感血肉的时候，读者不仅会被一种强大的理性所折服，更有一种情感的被挟持感。《精神重生的话语体系》不仅让我们在论著精神复活的话语体系的解析中读出了精辟的学术见解，还能深深体悟出作者个人对这一思想的深深认同。论著作者有的是细腻的审美感觉，这些感觉大多深入且独到，她正是凭借这种感觉挟持读者进入她的学术世界和情感世界的。

张变革博士是一个思想型的学者，思维缜密而富有才情，观点独到而表述质朴，我十分欣赏她的这种研究思路与言说方式。近年来，因为博士后的合作我们的接触比较多，她给我的印象也挺深。学术界已然如此的急切，端的是顺应职名的改变。而张变革博士，从我们结识时起，她就多在想，常在思，不紧着下笔。为文不求量多，只重质优，就这一条，便凸显她的过人之处。因为对教学、研究的热爱与全身心的投入，中年的变革仍然是很单纯的一个女性。若有所思的常态、细声细气的话语、舒缓从容的步履……低调地做人，静悄悄地作文，这些连同她的书生气、有了发现后的快乐，皆自然本色，全无常见的加工。我同样欣赏她的为人。

序语最后，我再一次为论著《精神重生的话语体系》叫好，更期待着张变革博士日后会有一篇篇新的掷地有声的论文发表，一部部新的扎实厚重的论著问世。

Мудрое прочтение Достоевского

(вступительная статья к монографии Чжан Бяньгэ

«Система дискурса духовного возрождения в романах Ф.М. Достоевского»)

Все великие романы Ф.М. Достоевского являются учебниками любви — любви к Богу и к человеку. Монография Чжан Бяньгэ «Система дискурса духовного возрождения в романах Ф.М. Достоевского» доказывает, что автор ее умеет замечательно читать этот учебник, понимать его, учиться по нему и помогать учиться другим.

Глубочайшее духовное содержание произведений Достоевского уже полтора десятилетия сосредотачивает на себе внимание исследователей. Но, за небольшим исключением, анализ этого содержания и изучение особенностей его художественной манеры, его творческого метода — «реализма в высшем смысле» — проходили как бы параллельно. Лишь в последние десятилетия в работах замечательных современных достоевистов Т.А. Касаткиной, М. Джоунса, В.Н. Захарова, Л. Нэпп, Р. Джексона, Б.Н. Тихомирова, А.Г. Гачевой начато комплексное изучение «реализма в высшем смысле» именно как целостного мировоззрения. Монография Чжан Бяньгэ несомненно принадлежит к этому, наиболее перспективному и актуальному ныне направлению в достоевистике. Новизна же непосредственно самой работы нашей китайской коллеги заключается в том, что здесь глубоко рассмотрено художественное изображение в романах Достоевского борьбы человека с его главными искушениями и заблуждениями, но не просто борьбы (об этом писали много), а борьбы как этапа на пути духовного прозрения и возрождения.

В конце жизни Достоевский писал: «через большое горнило сомнений моя осанна прошла». Обычно, цитируя это, делают акцент на «сомнениях». Но ведь гораздо важнее, что сомнения завершились осанной. Последний его роман «Братья Карамазовы» и явился этой осанной. Но чтобы она прозвучала, необходимо было вновь, с максимальной глубиной и высочайшим духовным усилием разобраться в проблемах, мучащих и Достоевского и любого мыслящего человека в земном бытии: каково подлинное строение мироздания, как отличить иллюзию от реальности в

этом мире, какая любовь является настоящей, завещанной человеку Богом, как совместить страдания детей с нашим знанием о сотворении мира благом Богом, как человеку из падшего состояния подняться к своему истинному облику — к образу и подобию Божьему?

Нужно было большое мужество и большая любовь к писателю, чтобы, будучи человеком из совсем иного языкового и культурного мира, взяться за исследование этих великих проблем, составляющих главное содержание великих романов Достоевского. Но мужество и любовь (а в данном случае еще и тонкий ум плюс огромный труд) всегда побеждают, и результат, могу с полным основанием утверждать, свидетельствует: Чжан Бяньгэ удалось то, что не удается многим нашим коллегам: с полным проникновением освоив художественный мир Достоевского, она заметно обогатила наши представления об этом мире и о творческом методе его создателя.

Мне представляется очень содержательным (и чрезвычайно важным для современной науки о Достоевском) такой раздел монографии: «Образы детей в романе “Братья Карамазовы” и их роль в раскрытии картины мира с точки зрения “реализма в высшем смысле”» (не случайно статью, созданную на основе этого раздела, в свое время с удовольствием опубликовал в альманахе «Достоевский и мировая культура»). Роль детей в мире, их место в общем замысле Творца, проблема детских страданий — все это является камнем преткновения для многих «мудрых и разумных». Чжан Бяньгэ убедительно и аргументировано показывает: в мире Достоевского дети не отделены непроходимой стеной от остального человечества — все люди Божьи, всем необходимо искупать падшее состояние, и в этом искупительном подвиге все равны. Детское у Достоевского для всех возрастов — и символ чистоты, но и знак духовной незрелости, порой жестокости, неумения сострадать, слышать другого. Замечательной находкой является здесь сопоставление трагедии Макара Девушкина, не услышавшего свою Вареньку, с трагедией закладчика из «Кроткой» — через все творчество Достоевского проведена связь!

Чрезвычайно важной проблемой при изучении мира Достоевского является разграничение любви мечтательной и действенной (пожалуй, их всех русских писателей он наиболее ярко показал разрушительную силу

мечтательности). Мечтательная любовь есть антитеза деятельной. Она приводит человека — и субъекта ее, и объекта — не к преображению, а к порабощению. Причем что очень важно, автор монографии показывает, как искушениям мечтательной любви поддаются наиболее «положительные» герои — Илюша Снегирев, Алеша Карамазов. Как выявляет Чжан Бяньгэ (в полном соответствии с мыслью Достоевского), иллюзия может властвовать и над человеком с религиозным сознанием — ибо такое сознание вовсе не тождественно видению мира в его подлинной реальности. Здесь очень важно для понимания романа уяснение причины духовного кризиса Алеши, для которого любовь к старцу Зосиме на какое-то время заслонила Бога и сделал приверженцем теории разделения людей на достойных и недостойных.

Критерий иллюзии и подлинности — главный при разграничении сознания христианского от гуманистических теорий исправления мира и человека. Об этом не забывает Чжан Бяньгэ при анализе произведений Достоевского. Новым и плодотворным является и «классификация» мечтателей Достоевского: инфантильные; сторонники ложных идей; носители теорий своеволия и человекобожия. Очень интересно выявление того, как судьба Мити Карамазова по существу является опровержением слов Мышкина (часто приписываемых самому Достоевскому) — «Мир спасет красота».

Замечательны некоторые так называемые промежуточные выводы исследовательницы: «Достоевский выражает суровую правду веры: христианство не поэма, а подвиг»; подлинная любовь противоречит природе падшего человеческого существа, а потому недоступна людям без веры в Бога. Подобные утверждения могли бы выглядеть декларацией, если бы не были подкреплены подробнейшим и убедительнейшим анализом текстов, художественной ткани романов Достоевского.

Монография Чжан Бяньгэ безусловно является значительным вкладом в современную достоевистику. Я приветствую ее выход, предрекаю ей славное будущее и уверен, что по прочтении ее со мной согласятся и китайские, и российские (да и живущие в других странах – во всем мире сейчас автор «Братьев Карамазовых» один из наиболее востребованных

писателей) исследователи и просто любители творчества Достоевского.

Степанян К.А.,

доктор филологических наук,

вице-президент российского общества Достоевского,

главный редактор альманаха «Достоевский и мировая культура»

Содержание

Введение	1
 Глава 1 Картина мира с точки зрения «реализма в высшем смысле» как основа раздумий Ф.М. Достоевского о духовном возрождении человека в романе «Братья Карамазовы»	 15
§ 1. Проблема самообмана и иллюзии в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	15
§ 2. Роль «мечтательной любви» в раскрытии картины мира с точки зрения «реализма в высшем смысле» в романе «Братья Карамазовы»	47
§ 3. Образы детей в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и их роль в раскрытии картины мира с точки зрения «реализма в высшем смысле»	74
 Глава 2 Духовное возрождение человека с точки зрения «реализма в высшем смысле» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	 97
§ 1. Роль духовной борьбы в религиозно-нравственных исканиях героев романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	98
§ 2. Образы истинных христиан в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	124
§ 3. Роль пейзажа в раскрытии духовного возрождения героев романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	157
 Заключение	 180
 Библиография	 191

目 录

绪论.....	1
第一章 《卡拉马佐夫兄弟》中“最高意义上的现实主义”视角下的世界图景.....	15
1、虚幻与自我欺骗问题：人在世界的命运及其所受诱惑.....	15
2、人道主义的终结：幻想的爱.....	47
3、孩童世界的隐喻：人性的盲目及神性的载体.....	74
第二章 “最高意义上的现实主义”视角下的精神重生.....	97
1、宗教精神探寻：人心是上帝与魔鬼争战的战场.....	98
2、信仰的力量：真实的信仰者.....	124
3、精神化景物描写：人精神重生的风景.....	157
结论.....	180
参考文献.....	191

Введение

Тезис о том, что роман «Братья Карамазовы» занимает особое место в творчестве Ф.М. Достоевского и является своего рода завещанием писателя, уже не требует дополнительной аргументации. В этом произведении Достоевский подводит итог многолетним раздумьям и осуществляет попытку создания образа истинного христианина, которая оказывается успешной благодаря использованию особого метода – «реализма в высшем смысле». М.М. Бахтин в классическом труде, посвященном поэтике Достоевского, утверждал: «Достоевский — творец полифонического романа. Он создал существенно новый романский жанр»¹. Новый жанр основан на глубоком понимании Достоевским человеческой природы, т.е. на «реализме в высшем смысле».

Многие исследователи полагают, что творчество Ф.М. Достоевского посвящено проблемам, решение которых возможно только посредством христианского миропонимания. К. А. Степанян отмечает: «По сути дела все основные романы Достоевского — и предыдущий «Преступление и наказание», последующие «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» — это романы о христианине (или о христианах). Здесь весь наш мир воссоздан и показан в его полном объеме — как мир, определяющим центром и источником существования которого является Бог; Священное Писание и Священное Предание есть основа человеческой истории, совершающееся на Небесах и на земле происходит в едином смысловом и временном пространстве, духовные сущности всех уровней зримо присутствуют в жизни и судьбах людей — иными словами, реальность *видна* читателю во всей своей метафизической глубине. И человек изображен в его подлинном бытии — как образ и подобие Божии, образ Христов»².

¹ Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.6. М., 2002. С. 11.

² Степанян К.А. «Сознать и сказать». «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. М., 2005. С.10.

Обращение к проблеме духовного возрождения человека в романе «Братья Карамазовы» не случайно и вызвано рядом обстоятельств. Религиозная проблематика произведений Ф.М. Достоевского, и последнего в том числе, стоит в центре современной литературоведческой науки. Сегодня концепции ученых о христианских основах творчества Достоевского подкрепляются и доказываются анализом поэтики произведений писателя, его литературно-эстетической программы, кропотливой, ювелирной, текстологической работой. Прежде всего, необходимость освещения данной проблемы возникла в результате внимательного чтения текста. Духовное возрождение человека как одна из сквозных тем творчества Достоевского наиболее полно выражено в последнем романе и нуждается в глубоком осмыслении. К тому же, это не случайно, а является итогом длительной духовной эволюции писателя.

В 1839 году Ф.М. Достоевский в письме к брату утверждает: «Человек есть тайна» (28-1,63)¹, а в записной тетради 1880-1881 гг. имеется запись: «При полном реализме найти в человеке человека» (27,65). На протяжении всей жизни Достоевский пытался открыть в человеке истинный лик в христианском понимании этого выражения. Чтобы утвердить в людях веру в Христа, великий мыслитель и художник пламенно полемизирует с так называемыми атеистическими писателями, противопоставляя их пониманию реализма понятие «реализм в высшем смысле». Многие современные Достоевскому писатели показывали действительность в социальном аспекте. При этом человек в их истолковании является частью среды, а его поступки объясняются средой. В «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский отрицает теорию среды, не принимая оправдания типа «среда заела», и дает христианское восприятие человека: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая

¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т.т. Изд. «Наука». Л., 1972-1990. Здесь и далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» (21,16). Ранее в письме А.Н. Майкову от 23 декабря 1868 г. Достоевский признавался: «Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм — реальнее ихнего» (28-2, 329). А в записной тетради 1876 года Достоевский замечает: «Реалисты неверны, ибо человек есть целое лишь в будущем, а вовсе не исчерпается весь настоящим» (24,247).

Писатель с течением времени все больше внимания уделяет трактовке христианского понимания человека. В записи к «Дневнику писателя» за январь 1877 г. он отмечает: «Христианство есть доказательство того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть» (25,228). Данное суждение наполнено духовной пронизательностью, любовью и состраданием к человеку, падшему и не способному выразить драгоценный дар Божьего творения — образ и подобие Бога. Для того чтобы приобрести этот первоначальный образ, человек должен претерпеть духовную борьбу и страданием возродиться. Эта святая для Достоевского идея раскрывается в романе «Братья Карамазовы». В этом произведении писатель главное внимание сосредоточил на проблеме духовного возрождения человека, осветив ее с разных сторон. Об этом пишет Н.А. Бердяев: «Лишь во Христе разрешается проблема человека. Идеиная диалектика подпольного человека есть лишь начальный момент идейной диалектики самого Достоевского; она там начинается, а не завершается. Завершается же положительно в «Братьях Карамазовых»¹.

Именно русские философы конца XIX – начала XX вв. впервые

¹ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М., 2001. С.39.

обратились к проблеме духовного возрождения человека в творчестве Достоевского. В их восприятии Достоевский не только талантливый художник, но и религиозный мыслитель, «духовный вождь»¹. Они утверждают значение Достоевского как христианского писателя². В трудах известных религиозных философов и писателей В.С. Соловьёва, Д.С. Мережковского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Г.В. Флоровского, Вяч. Иванова, С.Л. Франка, В.В. Зеньковского, Н.А. Лосского, В.В. Розанова раскрывается глубинная философская сущность творчества писателя. Их работы заложили фундамент исследования христианской проблематики в творчестве Достоевского.

Г.В. Флоровский утверждал, что «в творчестве Достоевского есть внутреннее единство. Одни и те же темы тревожили и занимали его всю

¹ Впервые это было выражено Соловьёвым после смерти Достоевского. См.: Соловьёв В.С. Речь, сказанная на высших женских курсах 30 января 1881 г. // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 223. Подобное выражение повторяется многими философами и писателями.

² В.С. Соловьёв пишет о духовном значении Достоевского в своих знаменитых «Трёх речах в память Достоевского» в 1881 г.

Охватывая сущность творчества Достоевского как христианского писателя, митрополит Антоний (Храповицкий) пишет в 1888 г.: «Достоевский — гений, христианин, славянофил, народник, психолог, философ, — все это так; но этими свойствами обладали и другие писатели; почему же только он близок душе каждого человека, не лишённого идеалов? К счастью, мы имеем его собственное определение сущности его гения; вот оно: «При полном реализме найти в человеке человека...я изображаю все глубины души человеческой». См.: Митрополит Антоний (Храповицкий). В день памяти Достоевского // Ф.М. Достоевский и православие. М., 1997. С.46. Л.Н. Толстой также пишет: «<...>(его) точка зрения удивительная: искренняя, естественная и христианская». См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым // современный мир. СПб., 1913. Дек. С.67.

Бердяев утверждает: «Достоевский — самый христианский писатель потому, что в центре у него стоит человек, человеческая любовь и откровения человеческой души. Он весь — откровение сердца бытия человеческого, сердца Иисусова». См. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском: творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. М., 1990. С.233. Подобное выражение повторяется многими другими христианскими философами и писателями.